

В коммуналке души и тела

Григорий Марк. Среди вещей и голосов.
Нью-Йорк, «Эрмитаж», 1995.

Григорий Марк — поэт не великий, но у него есть безусловно неплохие стихотворения. И в некоторых отношениях это поэт неожиданный.

Для Григория Марка важны описания таких состояний человека, когда в отношениях между душой и телом пропадает туманное напряжение. Когда эти отношения становятся заметными и поэтому особенно таинственными. То и дело возникают описания измененных состояний сознания, когда человек заново и остро переживает свое тело, его неловкость и ограниченность.

Стволы в тумане. Кладбище чудес.
Одни стволы. Без листьев, без ветвей.
Как волосы на коже — крупным

планом.

Фигурка щуплая в щетине из лучей
бредет наощупь сквозь огромный лес,
позвякивая мелочью в карманах.

Однако это ничтожное жалкое тело, «труп, приделанный к душе» — тело человека, который связан с окружающим его космосом, с дыханием высшего смысла, которым пронизан мир.

Лишь ангел Господен рукою могучей луну поправлял, протирал небеса лохматою, влажною тряпкою тучи.
И звезды крошились в его волосы.
Закончив уборку и вытряхнув звезды, он тучу над городом выжал дождем.
И алая нить протянулась сквозь

воздух.

от горла его к человеку со ртом,
бормочущим Имя...

Мир, окружающий героя, предстает как величественная панорама конфликтов, разворачивающихся в небе и на земле. Метафоры Марка часто резки и вызывающие антиэстетичны. Однако этот антиэстетизм при всем своем буй-

стве очень укоренен в традиции — если не генетически, то, во всяком случае, типологически. Во-первых, у Марка есть явные переклички с творчеством раннего Маяковского:

Над церквами, мостами, домами
В зимнем солнце горяще тело,
Налюбовленное до предела,
Изогнувшись дугой, летело...

Во-вторых, это традиция урбанистическая. Частое у Марка описание событий, происходящих в разных местах города одновременно, восходит к описаниям Петербурга еще Некрасова (*«Дворник вора колотит: попался! / Гонят стадо гусей на убой. / Где-то в верхнем этаже раздался / Выстрел: кто-то покончил с собой...»*). «Из отверстий земли, не спеша, выползают / Караваны навьюченных домохозяек...» — а это уже напоминает безликую многоно-го-многорукую толпу на Невском из романа А. Белого *«Петербург»*.

Петербург в поэзии Марка исключительно значим, что вообще часто бывает в стихотворениях, написанных в этом городе. Он и герой, и место смерти, которое — в соответствии со схемами мифологического мышления — чревато возрождением. Тайно готовится к нему.

Как будто бы в анабиозе
Спят вот уже семьдесят лет
Живые личинки в морозной,
Покинутой Богом земле.

Марк работает в традиции *«Петербургского мифа»*, которая идет от Пушкина, Гоголя и Достоевского. *«Петербург — над бездной, и переход от реального, бытового, ежедневного к единственному, грозному, сверхреальному и окончательному легко может совершиться, когда угодно...»* — пишет В. Н. Топоров о *«Петербурге»* А. Белого и обобщает, проанализировав *«Петербургский текст»* русской литературы XIX — начала XX веков: *«В Петербургском тексте... отражена квинтэссенция жизни в «клиническом» состоянии на краю, над бездной, на грани смерти, и намечаются пути к спасению...»*

«Петербургский миф», реализовавшийся в *«Петербургском тексте»*, — это представление о столице великой империи, столице, которая противостояла стране и в то же время была неразрывно с ней связана. Однако город, возникающий в стихотворении Марка, перестал быть столицей до рождения автора. Получается миф не петербургский, а ленинградский. Ежедневные печатления во многом организуются

историко-культурной традицией, находятся в ее силовом поле.

Парадоксальность «героя», лирического «я» стихотворений Марка в том, что в нем совмещены черты древнерусского книжника, «монаха» и психоделическая традиция, «глаз мозга моего чуть приоткрыт». В борении этих сил древнерусский книжник вдруг обретает черты городского бродяги и пьяницы, нового Франсуа Вийона:

Недозаумь на смыслопогранке:
аще слово хотяще творити,
запещдориши с оттяжкой полбанки
и начнепь свое песносоить...

— а с другой стороны, в стихотворениях Марка появляется жанр своего рода «семиотических видений», где знаки — цифры или части речи — становятся живыми персонажами, как бы раскрашенными фигурами — буквницами.

На базаре у собора тишь да гладь.
За прилавками силлабы монотонно
Предлагают по дешевке благодасть,
Разливают аллилуйю по бидонам.

Над каналами поют колокола,
В небо тянутся молитвою веселой.
В Глаголандии никто не держит зла.
Его негде там держать среди глаголов.

Переходное состояние, «смыслопогранка» — это переход к рождению слова. К рождению стихотворения или высшего состояния слова, которое уже находится вне искусства — молитвы (*«Со светящимся шаром / Молитвы в руке, / По теченью / Во тьму. / Одному. / Одному»*). Интерес к измененным состояниям сознания, к описанию снов, к дивинациям (*«И тогда над солнцами, в огне / Петербург небесный проступил»*) — с одной стороны, очень традиционный: *«...Петербург — единственный из крупных «мировых» городов, который лежит в зоне явлений, способствующих возникновению и развитию психо-физиологического «шаманского» комплекса и разного рода неврозов»* (В. Н. Топоров). Однако, с другой стороны, этот интерес характерен для современного искусства в целом еще с 60-х годов.

Стихотворения в книге объединены в циклы, связанные единством тематики и — часто — стилистики: *«Четырнадцать стихотворений о Ленинграде-Петербурге»*, *«Избранные сновидения»*, *«Стихослов»*, *«Зимой в лесу»* и др. Над каждым стихотворением — дата. Обычно в поэтических рукописях дату ставят под текстом; здесь же — внимание на дату, а стихи идут не в хронологическом порядке. Взаимодействуют две тен-

денции: сборник как дневник и сборник как организованное пространство. Получается своего рода словарь из разных типов «перехода границы»: снов, медитаций, неологизмов, движения сквозь время — и одного человека, и меняющейся страны («Стихи о Тюркославии»; кстати, название неточное и отдает «евразийством»). Впрочем, Марк не слишком историчен, его стихи о современной России — это часто просто жалобы издерганного горожанина, но и среди них

есть один интересный текст («КеГеБня на дредноуте тонущем...»). «Среди вещей и голосов» — второй сборник стихотворений Марка. Первый — «Гравер» — вышел в Нью-Йорке в 1991 г. Стихотворения, вошедшие в книгу, публиковались в изданиях «Время и мы» (США), «Границы» (Германия), «Слово» (США), «Дружба народов», «Звезда», «Новый мир», а также в «Знамени» и в некоторых других изданиях.

Илья Кукулин

Книги наших авторов

Генрих Сапгир. Моя самая первая книжка по русскому языку / Рис. Д. Гончаровой.
М.: Дрофа, 1995. — 174 с. 30 000 экз.